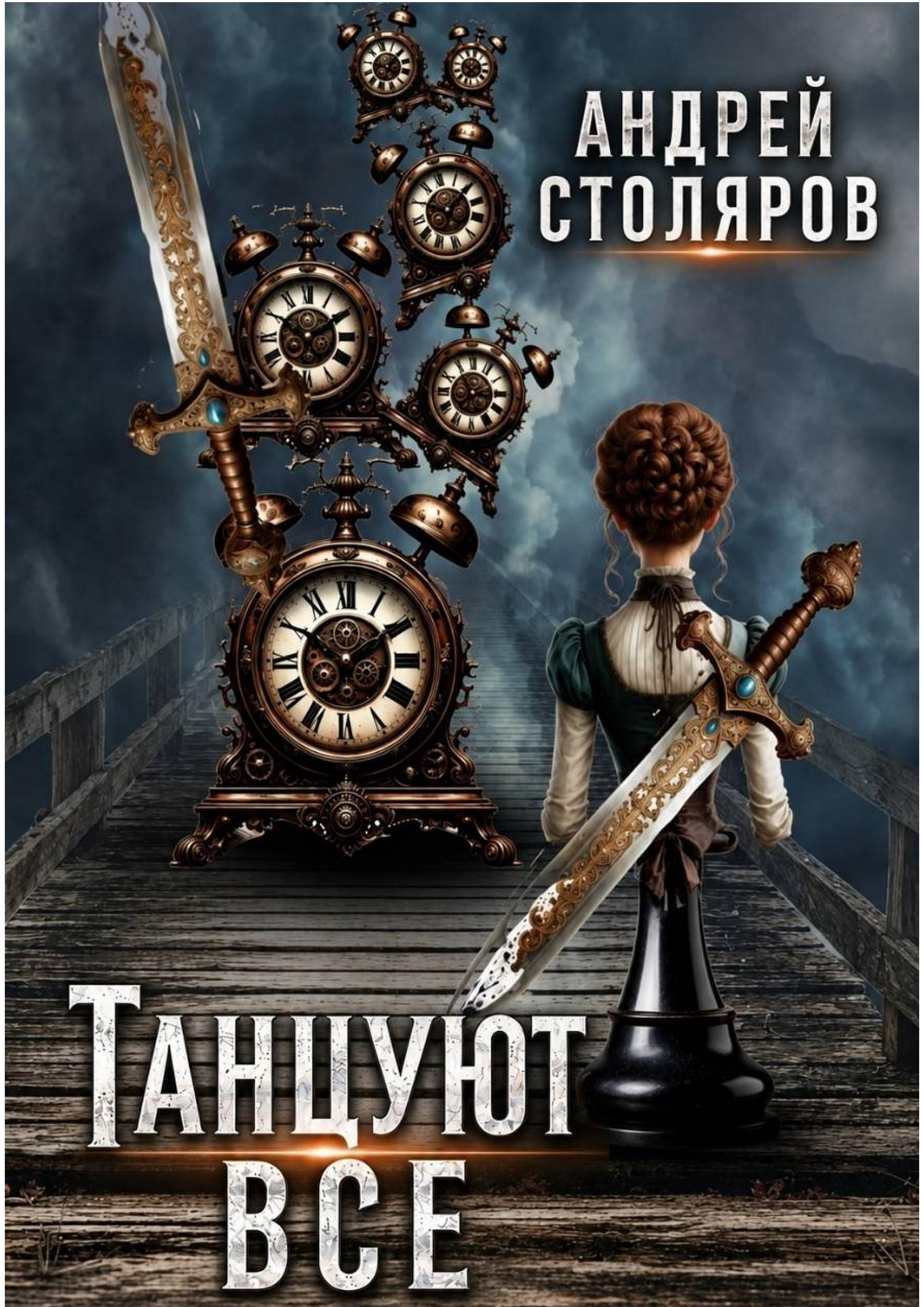

АНДРЕЙ
СТОЛЯРОВ

ТАНЦУЮТ
ВСЕ

Андрей Столяров

Танцуют все

«Автор»

2026

Столяров А. М.

Танцуют все / А. М. Столяров — «Автор», 2026

Это повесть об Игре, которая больше, чем просто игра, даже больше, чем жизнь, об Игре, под чью неслышную музыку танцует весь мир. Это повесть о Вторжении, реальном или, может быть, мнимом, но от этого не менее грозном. И еще это повесть о том, что если тебе навязывают линованную бумагу, то писать на ней следует именно поперек. Повесть из цикла "ФУТУРОЦИД". Автор иллюстрации на обложке - художник Мария Фомальгаут. Шрифты на обложку поставила художник Татьяна Борец

© Столяров А. М., 2026

© Автор, 2026

Андрей Столяров

Танцуют все

Андрей Столяров

ТАНЦУЮТ ВСЕ

Не очень понятно, с чего эту историю начинать. В принципе можно было бы начать ее и с начала, с того момента, когда Хухрик (кстати, ни настоящего его имени, ни фамилии я так и не знаю) увидел лица своих приятелей, вернувшихся из Игры, их непроницаемые глаза, их улыбки, растянутые словно на резиновых масках. Улыбки испугали его больше всего. Испугали так, что, пробормотав: я... это... тут... на минуточку... – он выскользнул из рабочего кабинета, на цыпочках, стараясь не производить ни малейшего шума, спустился на улицу, вскочил, даже не посмотрев на номер, в первый же подошедший автобус, поминутно оглядываясь, добрался до дома и, не позволяя себе ни на секунду остановиться, рассовал по карманам карточки, деньги и документы.

К вечеру он уже обитал в глухих новостройках, на другой квартире, которую снял, перелистав интернет, по самому дешевому предложению, а до этого у ханьги на рынке купил сотовый телефон, явно краденый, старый же, модный, со всякими наворотами, немедленно выбросил.

Обрубил все концы.

Он не мог объяснить, что именно его так испугало. Наиболее внятное: это как будто на него, дружно, повернув морды, посмотрели два омерзительных рептилоида. Словно оценивали – стоит ли его сожрать прямо сейчас? Или, может быть, подождать? Прошибло до пота, дома почувствовал, что рубашка на нем насквозь мокрая.

Две недели он просидел в этой проклятой квартире, с мутными окнами, выходящими на гаражи, с наполовину ободранными обоями, с протертым тусклым линолеумом, выбирался лишь ранним утром, в ближайший универсам, за продуктами, никаких интернетов, естественно, даже радио боялся включать, две недели – пока не обдал его ужасом настойчивый звонок в дверь.

– Честное слово, – ежась и вздрагивая от воспоминаний, сказал он Ивану (а я знаю об этом только в его изложении). – Сердце сжалось в такой вот тугой комок... Думал – сейчас лопнет, умру...

Да, можно было бы начать с этого, но тогда осталось бы непонятным, кто такой Хухрик и почему он так испугался, а это повлекло бы за собой длинное и утомительное объяснение, значительную часть которого пришлось бы опять-таки дополнительно объяснять.

Логика подсказывает, что поскольку я волей-неволей оказался в центре событий, поскольку они втянули в водоворот меня самого, то и начинать надо с момента, когда я с ними соприкоснулся. С того дня, когда я осознал, как изменилась Адель. Однако и тут не обойтись без ретроспективного фона. Бэкграунд необходим, он фиксирует ситуацию, когда все это началось для нее.

Для нее, а, следовательно, и для меня.

Адель уже полчаса сидит в пробке на Садовой улице, неподалеку от пересечения ее с Ломоносова, и время от времени барабанит пальцами по рулю. Пробка чудовищная. Она протянулась, судя по всему, до Сенной, а, возможно, и дальше – хвостом уходя в глубь Коломны. Причина понятна: поверх легковых машин видна туша косо упертого двухэтажного экскурсионного автобуса, видимо, чмокнулся с кем-то на повороте. Скоро отсюда не выбраться. Разгар

июньского дня, солнце жарит всюду, блики окон, невыносимая духота. Адель то и дело отхлебывает из бутылочки ортофосфорную кислоту, которая официально именуется кока-колой. Пить от этого хочется еще сильнее. Ползет пот по щекам. Водитель «ниссана», стоящего перед ней, не выдерживает: сдает чуть назад, чуть вперед, каждый раз немного доворачивая колеса, и наконец, перевалив через бордюр тротуара, нарушая все правила, вползает в Апраксин двор. Интересно, как он будет выбираться оттуда? Проезда на набережную Фонтанки там нет, Адель это точно знает, а переулок, перпендикулярный Садовой, наверняка тоже забит транспортом под завязку.

Нет, Адель за ним не последует. Такие эксперименты ей ни к чему. Тем более что звякает телефон, приходит сообщение от Валентины:

– Ты где?

Адель отвечает, что – рядом с Апрашкой.

– Очхор!!! Давай быстро ко мне, я, кажется, загнала маглора!!! Премию – пополам!!!

Обилие восклицательных знаков. Валентина находится, как обычно, в восторженно-невменяемом состоянии. С другой стороны, делать все равно нечего. А маглор есть маглор, премия за него – ого-го!

Адель надевает очки с темными стеклами. В действительности это не стекла, а маленькие экранчики, дающие эффект стереоскопии. Выщелкивает из толстых дужек чипы, похожие на таблетки, и прилепляет их к вискам по обеим сторонам головы. Тычет на кнопочку входа. Освещение вокруг тут же меняется. Воздух приобретает бледно-зеленоватый оттенок, будто неглубоко под водой. Так же меняется обстановка вокруг нее: теперь это аккуратные двухэтажные магазинчики с узкими сквозными проходами между ними. В самом деле – Апраксин двор. Игра, как полагается, выдала ближайшую к пользователю локализацию. Меняется и сама Адель: сейчас она в кожаном плотном камзоле, с галунами, с бахромой на плечах, в мягких сапожках, в руках – заряженный арбалет. Многие по последней моде предпочитают лук, и напрасно, арбалет, Адель это знает по опыту, намного надежнее.

– Ты где? – шепотом спрашивает она.

– Даю маршрут, – также шепотом говорит Валентина.

Вспыхивает желтый пунктир, уводящий в щель между стенами. Тут же раздается резкий шипящий звук и с крыши ближайшего магазинчика взмывает хвостатая тень.

Адель, не задумываясь, стреляет.

Пронзенный стрелой, похожий на ящерицу ядозуб шлепается на булыжник и взрывается пиксельным снопом искр. Еще двадцать очков! В верхнем левом углу поля зрения очерчивается баланс: у нее на счету четыреста семьдесят долларов. Это – десятка полтора ядозубов, убивать которых легко, но кроме того – три лемура, попробуй их разгляди, дикобраз, в свою очередь стреляющий иглами, и даже, представьте себе, одна чупакабра. Уже немного, совсем немного остается до пятисот, а это рубеж, после которого деньги можно снимать со счета. Или не снимать, а, например, купить бластер, удобнее, чем арбалет, и стоит как раз пятьсот долларов. Расходы себя оправдают. Или можно будет купить «зрение», тогда начнешь без труда видеть ловушки – бездонные ямы, полные удушающей черноты. А если удастся прицокнуть маглора, то это – она быстро прикидывает – хватит и на бронежилет. Тогда всякая мелкая нечисть будет ей не страшна.

По пунктиру она сворачивает в простенок. Там темно, но опасности, кажется, не предвидится. Разве что притаился, сливаясь со штукатуркой, какой-нибудь чахлый лемур. Черт, обязательно надо приобрести фонарик. И стоит копейки, и будет надежная гарантия от лемуров – они с их выпученными глазами без век от яркого света шарахаются.

Проулок заканчивается небольшим расширением. Два угловатых здания заслоняют собой висащие чуть в отдалении фонари, из-за этого открывшееся пространство кажется озер-

цом с черной водой. Адель осторожно нащупывает ногой асфальт. Ловушки вроде бы нет. Прерывистые штрихи маршрута упираются в стену противоположного дома.

– Ты где? – снова спрашивает Адель.

От дома отделяется неуверенная фигура.

– Я здесь, – говорит Валентина.

Проблеск фонаря падает на нее. Валентина тоже в камзоле. Но обшитом не галунами и бахромой, а овальными медными бляхами, исчерченными значками рун.

Из стандартного набора для новичков.

Выпендривается.

Ни от чего эти руны не защищают.

– А где маглор?

– Тоже здесь.

Валентина улыбается, мягко сморщив лицо. Так могла бы выражать радость надувная резиновая кукла.

Адель прошибает дрожь от этой улыбки.

Она чувствует: здесь что-то не то. Никогда прежде Валентина так жутковато не улыбалась.

Однако прежде чем Адель успевает что-либо сообразить, шею ее обхватывают сзади твердые холодные пальцы. Они сжимают горло с такой силой, что чуть ли не раздавливают гортань. Адель бьется, как птица, отчаянно, роняет арбалет, выгибается, но тот, кто сзади, гораздо сильнее ее.

Из жесткого обхвата не вырваться.

Маглор!

Она задыхается.

Воздуха нет.

Она пытается закричать.

Из горла ее выдавливается лишь слабый хрип.

На правах рекламы.

Не знаете, чем заняться? Плохое настроение? Не везет? Все валится из рук? Ничто не радует? Сыграйте во «Вторжение»: вход бесплатный! Всего полчаса, и ваша хандра развеется. «Вторжение» – это не просто игра. «Вторжение» – это и развлечение, и доход!

В то время я, разумеется, ни о чем таком не догадывался. Смутно помню, что в середине лета Адель явилась домой какая-то вялая, есть ничего не стала, проямлила, что у нее мозги слипаются из-за жары, ушла к себе в комнату и в этот день больше не появлялась.

Меня, надо сказать, это не слишком беспокоило. Ну, почувствовала себя неважно, бывает. Жара тогда действительно стояла убийственная: небо выгорело до цвета жести, листья на деревьях обвисли тряпочками, устав цепляться за жизнь. Спала и загустела вода в каналах, поднимался оттуда запах гниющей тины. Глобальное потепление, черт бы его побрал! Не только Адель, многие в те дни ощущали вялость и дурноту.

Волновался я тогда совсем по другому поводу. В прошлом году Адель не прошла по курсу в Первый медицинский университет. Первый мед, как его до сих пор по традиции называют. Для нас это была полная неожиданность: результаты Единого государственного экзамена у Адели были более чем приличными, весь июль она со своими баллами уверенно держалась в списке абитуриентов. Но когда четвертого августа были опубликованы официальные данные о зачисленных на бюджетное отделение, ее там почему-то не оказалось. Как я понял из бурного всплеска эмоций в сетях, в этом году резко сократили число мест на технические специальности в вузах (годом ранее там был недобор): многие, имеющие в своем профиле математику,

сразу хлынули на клиническую психологию (как раз туда подавала Адель) и вытеснили более половины ранее зарегистрированных.

Вот такая обычная российская катавасия.

Собственно, ничего страшного не произошло. Еще было время направить документы в пару вузов с медицинскими факультетами, где оставались места, или переориентироваться в том же Первом меде на лечебное отделение, со своим рейтингом Адель туда бы прошла, но она вдруг уперлась: либо на клиническую психологию, либо – никуда. Переубедить ее я не смог. В результате это «никуда» и материализовалось.

Для Адели это было колоссальное потрясение. Постепенно я начал догадываться, что поразила ее даже не внезапная катастрофа, не крушение планов, вынашивавшихся целый год, а равнодушная механистичность всего этого действия. Никто не глянул в ее сторону. Никого не интересовало, чего хочет сама Адель. Для бюрократического круговорота системы образования она была не человеком, не личностью, стремящейся к чему-то и уже прочитавшей множество специальных книг, а блеклой цифрой в графах отчетности, бумажной фишкой, которую небрежным движением смели за ненадобностью со стола.

Поступить на платное отделение, как я предложил, она категорически отказалась.

– Спасибо! Чтоб на меня смотрели как на круглую дуру?

В общем, Адель погасла. Жизнь ее из кипения замыслов и надежд превратилась в болотный застой. Она словно зависла в летаргическом безразличии. Заблокировала телефоны подруг, не отвечала на сообщения. Неслышно ступая, как призрак бродила целыми днями по комнатам, подолгу не задерживаясь нигде. Книги свои свалила в угол у шкафа, и они покрывались там пылью, которую она запретила стирать. Было во всем этом что-то потустороннее. Как из загробного мира, звонил из Дюссельдорфа Арсений: что там у вас происходит? Звонила оттуда же Ева, требовала ответа: почему я не уследил за ребенком? Что я мог им сказать? Следить за ребенком, по-моему, должны были родители. А если родители умотали бог знает куда, ребенка бросили, сочтя, что он им, по крайней мере на первых порах, будет обузой, то нечего удивляться. Конечно, ничего подобного я Еве не говорил: чувствовал и свою вину, хотя, честное слово, не понимал, в чем она заключается. Разве что в том, что Арсик из застенчивого милого мальчика, легко краснеющего, смущающегося, больше всего на свете любящего леденцы, превратился в Арсения, кандидата наук, классного специалиста, жестковатого, твердо знающего, чего хочет: работать в престижной фирме, на Западе, получать зарплату в евро, а не в рублях, жить, как подобает белому человеку, – так он высказался перед отъездом в Германию.

Я знал, что это были мысли Евы, а не Арсения. Арсений их просто озвучивал в более четких словесных формулировках. С другой стороны, они уже давно стали его собственными мыслями и словами, убеждениями, которые невозможно было поколебать.

Наверное, я был к нему не совсем справедлив. Ведь это неплохо, когда у человека есть в жизни конкретная цель. К тому же в сентябре Арсений сказал, что они с Евой приглашают Адель пожить немного у них: присмотреться, освоиться, может быть, останется навсегда, подкачает язык, поступит в Дюссельдорфский университет, тем более что базой его является медицинская академия. У них все налаживается. Ему продлили контракт еще на три года, с получением гражданства, с официальной натурализацией теперь сложностей нет.

Адель на это лишь вяло кивнула:

– Ну, можно съездить. – И добавила, вероятно, почувствовав, как у меня болезненно затрепыхалось сердце. – Не переживай, еще ничего неизвестно.

И действительно, вернулась она уже через две недели: в новой куртке, в новом кашемировом свитере, в новых сапожках с замшевой декоративной каймой. Однако – все такая же летаргическая. Что там у них произошло, никто мне толком не объяснил. Арсений, позвонив перед ее прилетом, коротко бросил:

– Ты превратил ребенка черт-те во что.

А сама Адель через пару дней сказала:

– Чего они все там улыбаются? Один говорит, что жена у него заболела, тяжелая операция предстоит, – и улыбается. Другой рассказывает, что исламист с ножом ранил трех человек, смертельно, на улице, – и опять улыбается. Третий рассказывает о коррупционном скандале в мэрии – и улыбочка до ушей.

Путаясь от горячей радости при виде ее, я кое-как объяснил, что таковы особенности современной европейской культуры: приоритет толерантности, гуманизация социальных контактов, минимизация негативных эмоций, чтобы не загружать других своими проблемами, извещать о них, но не требовать сопереживания.

– Так проще и легче жить.

– Я и говорю – идиоты.

И еще сказала, это уже об Арсении с Евой:

– Знаешь, что их волнует больше всего? Что они живут в квартире, а не в собственном доме, как полагается успешным специалистам. Лужайка им нужна, где можно устраивать барбекю, бассейн им нужен, гараж автоматический на две, лучше на три машины. Вот увидишь, лет через пять у них все это будет: возьмут кредиты, выплачивать будут всю жизнь, переломятся пополам... – На секунду прижалась ко мне. – Не хочу жить с ними, хочу – с тобой...

Мне тогда показалось, что она оживает. Но нет: просто короткая вспышка полузабытых эмоций. Уже через пару дней Адель снова смотрела на все, как сквозь расплывчатое стекло, устроилась на работу в какую-то мелкую фирму.

– Чем ты там занимаешься?

– Да так... системный учет по сбыту... ничего интересного...

Год прошел без каких-либо неожиданностей. Бывают такие периоды времени, которые состоят из ненавязчивой пустоты, из бессобытийного тлена: если схлопнуть их по календарным границам, то – ни звука, ни ощущения, словно не было вообще ничего. А весной, уже ближе к лету, Адель, видимо, отстоявшись в намерениях, мельком, но непреклонно сказала, что не хочет никуда поступать, ни к чему, и так все нормально.

Я постарался не выказывать своего огорчения. Я все же надеялся, что время излечит ее от апатии. Тем более что как раз в эти дни, после краткого приступа квелости, Адель начала оживать. Появилась в ней какая-то внутренняя энергетика. Она точно заново родилась. Правда, энергетика эта, на мой взгляд, была странная, словно в куклу, которая еле двигалась, вставили свежую батарейку: непрерывная, без спадов и сбоев, неосмысленная, чисто механическая динамика. Нормальные люди так себя не ведут. Это сперва насторожило меня, а потом стало серьезно тревожить.

У меня тогда, разумеется, и мыслей не было, что это не единичный случай, а эпизод громадного по масштабам процесса, захватывающего тысячи и десятки тысяч людей. Что разворачивается в цифровой тиши титаническое преобразование мира, вся структура его необратимо меняется: идет сражение, которое нами фактически уже проиграно, гибнут батальоны, полки, дивизии, рассеиваются целые армии, капитуляцию, конечно, еще никто не подписывал, но она постепенно утверждает себя как свершившийся факт. Что воронка событий неумолимо затягивает и меня, что я тоже тону, тоже гибну, хотя и не подозреваю об этом.

Смыкаются над нами волны Великой Гармонии.

На правах рекламы.

Анатолий Смирнов, студент инженерно-строительного колледжа из Костромы, впервые вошел в Игру по совету приятеля и всего за три дня собрал в качестве приза 14 тысяч долларов. Исполнилась его мечта, казавшаяся несбыточной: он покупает мотоцикл Kawasaki

W 800 плюс. «Вторжение» – это вам не какое-нибудь казино. Здесь все по-честному, – заявил Анатолий нашему корреспонденту.

Трудно сказать, как все развивалось бы дальше. Вероятно, я еще долго бродил бы в потемках, недоумевая, тычась холодным носом то туда, то сюда. Нельзя исключить, что вообще не выбрался бы из них. Или выбрался бы, когда уже было бы поздно. Но тут, как в жизни бывает, в дело вмешался случай: мне позвонил Иван Карогодов и спросил, не могу ли я дать ему небольшую аналитическую консультацию.

– Иван! Заходи! Буду рад! – откликнулся я.

А может быть, это был и не случай. В интерпретации Гегеля случайность – это проявление закономерности. Все, что происходит в мире, внутренне обусловлено. Ведь даже Эйнштейн однажды сказал: «Бог не играет в кости». Однако Бор ему тут же ответил: «Не учите бога, что ему делать». В том смысле, что в фундаменте мироздания присутствует квантовая неопределенность.

Так или иначе, но ближе к вечеру раздался звонок, уже в дверь, и с этого момента история приобрела совершенно иной характер.

С Иваном мы познакомились лет пять назад, когда в одном Заведении (назовем его так) я читал короткий спецкурс по психологии толпы и методам управления стихийным сознанием больших масс людей. В связи с цветными революциями, сотрясавшими многие страны, и спонтанными протестами, вспыхивавшими по всему миру, вплоть до штурма Капитолия в Вашингтоне, тема была более чем актуальная. Курсанты слушали меня внимательно, задавали вопросы, подчас такие, что вздрагивал их куратор, молчаливый и тоже очень внимательный капитан. Вздрагивал, но, замечу, чрезмерную активность аудитории не пресекал. А после первой же лекции некий молодой человек напросился проводить меня до метро (получил на это специальное разрешение от куратора) и всю дорогу донимал вечной проблемой теории и практики: как мышление превращается в деятельность, созерцание – в праксис, то есть в конкретный поступок, осознание мира – в необходимость его изменения. Все это в его исполнении был детский лепет, но уже тогда я почувствовал в Иване неумную, страстную любознательность, редкое качество, свидетельствующее о потенциале ума, и еще более редкую характерологическую черту – стремление во всем докапываться до сути, до основ, на которые в идеале должны опираться любые аналитические построения. Черту, надо сказать, опасную для карьеры, но необходимую для интеллектуальной возгонки, если уж ты взялся за это дело. Позже мы беседовали с ним еще несколько раз, я написал положительный отзыв на его курсовую работу, посвященную – ни много ни мало – аспектам социальной неопределенности, а затем он Заведение окончил, вполне успешно, распределился, пропал из виду, со студентами и курсантами это бывает.

И вот он вновь предстал предо мной, повзрослевший, как принято говорить, возмужавший, был, кстати, не в форме, а в штатском, что, впрочем, естественно при его профессии. Единственное, что я уловил в нем, – некоторую нервозность. От коньяка, например, он категорически отказался: еще на работе, мельком согласился на кофе: не надо заваривать, сойдет растворимый, а как только мы уселись за кухонный стол, сказал, что, если я не против, то – сразу же к делу.

– Извините, что так внезапно, но не можете ли вы разобраться в одной запутанной ситуации?

В его изложении эта ситуация выглядела следующим образом. Некоторое время назад, по данным петербургского отделения МВД, в городе произошло резкое снижение уровня правонарушений. Причем интересно, что сразу же по всей регистрируемой номенклатуре: от тяжелых преступлений, типа убийство или вооруженный грабеж, до мелких краж, хулиганства и дорожно-транспортных происшествий. Разумеется, само МВД объясняло это высоким про-

фессионализмом своих сотрудников, их неустойчивой работой на благо Отечества, а также – комплексом профилактических мероприятий, развернутых в последние годы. То есть – звенят фанфары, готовы приказы о премиях, навешивайте медали и ордена. Но вырисовывалось и настораживающее обстоятельство: падение криминального уровня выглядело очень уж резким, а потому решено было осуществить негласную, но тщательную проверку представленных отчетов и цифр. Эту работу поручили как раз Ивану, поскольку он был, заметим в скобках, из параллельного и куда более серьезного ведомства.

Установка при этом была такая: не слишком ли беспардонно наводит МВД глянец на свой фасад, не закружились ли головы у некоторых его высокопоставленных руководителей, соответственно – тщательно все изучить, поскрести позолоту, и если посыплется, крепко дать, кому следует, по башке, невзирая на звания и чины.

До этого Иван уже проводил пару аналогичных расследований, действовал, по мнению своего начальства, энергично, доказательно, целеустремленно, заслужил в своем ведомстве определенную репутацию и ныне, как он понимал, переходил на более высокий служебный уровень.

В общем, он взялся за работу засучив рукава: перелопатил тонны отчетов, проверил перекрестным сопоставлением сотни и тысячи данных, побеседовал с десятками низовых сотрудников МВД на местах (проще говоря, с полицейскими в районных отделениях города) и через пять недель этого ревизионного марафона пришел к странному выводу, что масштабных приписок в отчетах нет (есть, конечно, но – пренебрежимо малые), итоговые показатели никто не натягивал и информация, представленная МВД, как бы парадоксально она ни выглядела, полностью соответствует действительности.

Иван честно признался, что некоторое время пребывал в растерянности: понимал, что его начальство таким выводам не обрадуется. Ведь ориентировали его, пусть вскользь, но вполне однозначно: собрать компромат. Как он догадывался, шел осторожный, издали, но для тех, кто разбирается в бюрократических войнах, вполне очевидный подкоп под нынешнее руководство министерства внутренних дел. То есть в своем расследовании он очутился меж двух огней: «подправить» выводы, как того желает начальство, значило попасть под удар МВД, которое, что вполне вероятно, обвинит его в намеренной фальсификации, а подать все как есть – получишь по голове уже от своих. Положение было незавидное. И тут его озарило. Пользуясь временными следовательскими полномочиями, он заказал отчетность по другим российским регионам и мегаполисам и уже без особого удивления, вновь перелопатив тонны бумаг и цифр, убедился, что падение уровня правонарушений регистрируется и там – не такое разительное, как у нас в Петербурге, но все же – довольно отчетливое, пренебречь им нельзя. С некоторых мест уже пошли в Москву такие же репортажи об успехах.

Кстати, данный феномен заметил не он один. В группе аналитиков МВД, где Иван представлялся аспирантом, пишущим обзор по криминогенной динамике мегаполисов, для чего заручился соответствующим направлением, это явление тоже уже зафиксировали. Однако владело мнение, что не следует придавать ему слишком большого значения: это следствие сопряжения нескольких маловероятных факторов, которое и вызвало резонанс (правда, в чем данные факторы состоят, мнения расходились), в общем, не надо подпрыгивать, не надо бить в барабаны, скоро эта редкая аномалия так же спонтанно расфокусируется, уровень криминальности вернется к рутинным параметрам.

– А конкретные цифры? – спросил я. – Или это секрет?

– Ну какие от вас секреты? – Иван движением губ обозначил улыбку. – Меньше всего падение было в группе тяжких преступлений, около двадцати процентов, а больше всего в группе мелких и административных. Количество ДТП, например, за полгода снизилось почти на сорок процентов.

– Ого! Это серьезно, – сказал я.

– Есть также любопытная возрастная разница. Наиболее сильное снижение правонарушений присутствует среди молодежи, в старших возрастных категориях это не так заметно, хотя тоже – случайным выбросом не объяснить. – Иван на секунду запнулся. – И вот еще что. Экономическая ситуация в стране неважная, в причины я вдаваться не буду, вы знаете их не хуже меня, застой, доходы населения падают, цены растут, перспективы туманны, можно было бы ожидать, что как следствие будет возрастать и социальная напряженность, в частности – митинги, демонстрации, но, напротив, мы наблюдаем удивительную социальную тишь: протестные настроения невелики, рейтинг президента, который еще недавно медленно, но неуклонно снижался, теперь также медленно, но неуклонно растет. Где логика? Вы, наверное, скажете, что логика здесь ни при чем, сознание обычного человека иррационально, он не анализирует, а чувствует, в выборе его преобладают эмоции. Но эмоции, несмотря на их стихийность, не возникают из пустоты, им нужна почва, гумус, поддерживающая питательная среда. То есть здесь должен наличествовать некий фактор, создающий психологически мотивированный настрой. Что это может быть за фактор? Вот в чем вопрос.

Честно говоря, он меня озадачил.

Я лишь руками развел:

– Ну, дорогой мой, откуда я могу знать? Ты слишком многого от меня ждешь. Здесь надо серьезно подумать, изучить материалы... Ну, если хочешь, можно вот так... Мы находимся сейчас в ситуации Большого транзита: старый мир спонтанно разваливается, распадается на глазах, сквозь обломки его прорастает совершенно новый бытийный пейзаж. Говоря проще, наступает будущее. Мы внезапно оказываемся в мире, о котором раньше не подозревали. Нам чужд этот мир, нам непонятны его законы, мы боимся его, поскольку не представляем, как в нем можно существовать. А потому всеми силами пытаемся спасти остатки привычного настоящего: цементируем его трещины, пытаемся хлипкой арматурой связать расползающиеся обломки. Страх перед будущим – вот доминирующее состояние современности. Его чувствуют политики, скорее селезенкой, а не умом, его чувствуют государства, его чувствуют нации, его чувствуют массы людей: не надо нам ничего нового, пусть все остается как есть. Любое отклонение, правонарушение в том числе, воспринимается как дискомфорт. Его интуитивно стараются избегать, причем даже те, кто к правонарушениям склонен. Таков обобщенный психологический вектор, а то, о чем ты мне рассказал, это его проекция на реальность.

– Н-да... – несколько уныло изрек Иван. Он был явно разочарован. Он, по-видимому, ожидал, что я, как в прежних наших беседах, слегка подумаю, небрежно кивну, щелкну пальцами и все ему растолкую. Сразу же возникнет ясная и простая картинка, главное – станет понятно, что следует делать. А вместо этого получил длинные и расплывчатые рассуждения, вроде бы и на тему, но какие-то сугубо теоретические. – Н-да, Алексей Георгиевич... Ну что же... Вы, кажется, говорили, что у вас есть коньяк?

Признаюсь, я тоже был сильно разочарован. Иван пришел ко мне за помощью, за конкретным советом, а я стал читать ему лекцию о закономерностях будущего.

Что это я?

Совсем опупел?

И вот тут в дело вмешался еще один случай.

Иван, видимо, закругляя бесполезный визит, обозрел кухню, обстановку которой, скорее всего, до этого не замечал, не до того ему было, и, увидев фотографию на стене, вдруг замер:

– Ваша дочь?.. Красивая...

Аделия здесь и в самом деле выглядела чудесно: в легком воздушном платье, у яблони, словно сотканная из солнечной белизны.

Именно такая, какой я в первый раз увидел ее.

– Не дочь, жена. У меня нет дочери, только сын. Зато есть внучка, тоже Аделия, в ее честь, точная копия.

И, размякнув от коньяка, в таких мелочах и сказывается возраст, я сделал то, чего раньше категорически избегал: пожаловался на жизнь. Рассказал, как Адель не прошла в Первый мед, как она впала в клиническую апатию и целый год бродила по квартире, безмолвно, словно отражение в невидимых зеркалах. Как она, буквально пару недель назад, все-таки начала оживать, но ее оживление выглядело несколько... странным. Я даже думал, что она наконец влюбилась, но – нет...

Иван повернулся ко мне.

– А в чем конкретно заключались странности? – каким-то напряженным голосом спросил он.

Он явно насторожился. Однако я этой его настороженности не заметил и, находясь в том же размягченном состоянии, объяснил, что Адель стала, например, фанатичной аккуратисткой. Ты посмотри: нигде ни пылинки, ни пятнышка, все вещи расположены строго на своих местах. Я и сам, как ты заметил, наверное, аккуратист, люблю порядок, это экономит время и силы, но, знаешь, не до такой же степени. Ее, не преувеличиваю, коробит, если я что-то сдвину, поставлю, пусть временно, не туда. Или, например, раньше она на свою работу просто тащилась, через не хочу, чувствовалось, как ей это обрыдло, а теперь – бежит, волнуется, как бы не опоздать, будто в копошении этом открылся ей некий смысл. Или вот еще хуже, возвращаясь, обязательно целует меня в щеку: я тебя люблю, дед, знаешь, как упорно твердят персонажи американских фильмов: я тебя люблю – я тоже тебя люблю, словно стараются убедить себя в том, чего уже нет.

– То есть тщательное соблюдение социальных ритуалов и норм?

– Да... пожалуй... – после паузы, несколько опомнившись, подтвердил я.

– Алексей Георгиевич, позвольте мне осмотреть ее комнату.

Я тоже насторожился:

– На симптоматику наркомании это совсем не похоже. Скорее наоборот...

– Позвольте, – настойчиво, со следовательским нажимом повторил Иван.

– Ну... если ты считаешь, что это необходимо...

Мы прошли в комнату Адели. Я заметил, каким цепким профессиональным взглядом Иван ее охватил: желтенькие полупрозрачные занавески на окнах, литографии на стене, Петербург осенью и весной, письменный стол, зеркально-паркетный пол, диван, сейчас сложенный, где цветные подушки образовывали строго выверенный по расстояниям ряд. Я как бы увидел это его глазами: не комната, а вылизанная до блеска витрина в мебельном магазине.

Что-то неживое, картинное.

Для манекенов, не для людей.

– Я загляну в ноутбук? – спросил Иван.

Поколебавшись, мне это было не слишком приятно, я все же кивнул.

Иван поднял крышку.

– Надеюсь, он не на пароле... – Причмокнул, дернув щекой. – Надежды не оправдались... Когда у нее день рождения?

Я сказал.

Иван пробежался по клавишам:

– Нет... А если наоборот? Тоже – нет... А у вас?

– Что у меня?

– Когда у вас день рождения?

Я неохотно назвал дату. Мне это нравилось все меньше и меньше.

– Так... число, месяц, год... Нет... А если месяц буквами?.. Опять – нет... А если наоборот?.. О, проехали!.. – Он хлопнул в ладони. – Ну – все как всегда!.. Теперь – история посещений... Надеюсь, Адель ваша ее не чистит...

Я кашлянул, собираясь его прервать. Это становилось невыносимым. Иван вскрывал жизнь Адели, как раковину моллюска, обнажая влажную беззащитную мякоть. Или словно подглядывал в щелку за женщиной, которая переодевается.

– Иван, подожди...

Но тот уже щелкнул по нужной клавише.

– Ого!.. – и застыл, всматриваясь в экран.

Я тоже нагнулся.

По экрану тянулся список адресов-посещений, написанных мелкими буквами.

Мне это ни о чем не говорило.

Однако Иван снова сказал «Ого!», – после чего двинул мышкой и развернулась картинка в ярких и одновременно как бы зловещих тонах: средневековая башня из крупных неровных камней в окружении петербургских домов с черными стеклами.

Какое-то все безжизненное.

– Да, конечно, – пробормотал Иван. – Этого следовало ожидать... Видите?.. Но мы туда не пойдем... – Мановением пальца он убрал картинку с экрана. Не отрываясь от ноутбука, сказал. – Алексей Георгиевич, это не шутки. Никогда, подчеркиваю: никогда, не входите в эту игру. Кто бы вам это ни предлагал, чем бы он... или она... это ни мотивировали...

– А что там такое? – растерянно спросил я.

– Там – смерть...

Позже Иван признался, что в тот момент, когда на ноутбуке Адели всплыла заставка Игры, его как будто что-то ударило в мозжечок. Он и раньше, перебирая в своем расследовании кипы бумаг, беседуя с людьми, сопоставляя противоречивые факты, наткнулся на упоминания о некоей Игре, но – косвенно, где-то на периферии, воспринимая данные сведения как неизбежный словесный мусор, который следует разгрести, но в подсознании его они, вероятно, накапливались, сцеплялись друг с другом и тут, после очередного свидетельства, достигли критической массы. Вспыхнуло, как при атомном взрыве. Он еще не мог объяснить всех деталей, не мог постигнуть в целостности их смысл, не в состоянии был описать механизм игрового воздействия, но по горячему биению крови, знакомому любому, кто проводил мучительные расследования, по колокольному звону в висках понял – это то, именно то, что он так долго искал.

И тут я услышал, как поворачивается ключ в замке.

– Уходим! – сдавленный шепот мой был словно из триллера.

– Что?

– Это – она...

К счастью для нас, Адель задержалась в прихожей: размещала две сумки с купленными по дороге продуктами. Когда мы вышли – оба с каменными физиономиями, она как раз бралась, чтобы нести их на кухню.

Я засуетился:

– Оставь, оставь!.. Помогу!.. И вообще – познакомься, это Иван, мой бывший... студент... Иван, это Адель.

– Очень приятно, – сказала Адель.

И одарила нас улыбкой кинозвезды.

Иван промолчал.

В чем дело?

Я обернулся к нему.

Иван замер, словно остолбенев.

Глаза у него были странно расширенные.

Он, не отрываясь, смотрел на Адель.

На правах рекламы.

Вот мнение доктора психологических наук, профессора, заведующего кафедрой когнитивной психологии Эдуарда Баракиняна:

«Вторжение» принципиально отличается от других компьютерных игр своей структурной осмысленностью и прикладной функциональностью. Игра только внешне выглядит незамысловатой. В действительности, как установлено нашими длительными исследованиями, сюжет Игры ненавязчиво мотивирует пользователя на профессиональную деятельность: человек как бы сливается с ней, она становится для него вдохновляющей целью. Добьешься успеха в Игре – добьешься и в жизни. Вот почему мы рекомендуем «Вторжение» в качестве стимулирующего эмоционального тренинга. Если персонал фирмы периодически играет в эту Игру, то производительность труда у него существенно повышается.

Велика и богата была Ринея, появившаяся на карте мира в незапамятные времена. Лежала она между двух океанов и омывалась пятью морями, также выходившими в океанский простор. Распахивались из нее пути во все стороны света. Привольны были реки Ринеи, текущие и с севера на юг, и с юга на север, безграничны были ее леса и покрытые сочными травами степные равнины. Обильны были недра ее, содержащие руды, нефть, золото, редкие минералы. Многочисленные народы населяли Ринею, говорили они на разных, иногда экзотических языках, но все издавна ощущали себя ринейцами, единой дружной семьей, спаянной кровным родством. И если вторгался в Ринею враг, то такой же единой семьей поднимались они на защиту родной земли, сражались стойко и мужественно: враг, упоенный своей кратковременной силой, терпел сокрушительное поражение.

Разумно властвовали в Ринее правители, прислушивавшиеся к нуждам народов и зревавшие глубинные чаяния их: не думали они ни о почестях, ни о славе, ни о наградах, ни о личном богатстве, но лишь о благоденствии великой страны. А когда правитель начинал ощущать, что его срок власти исчерпан, что силы, истощенные государственными трудами, не позволяют ему служить Ринее, как раньше, он уходил в монастырь, предварительно назначая себе преемника, который отбирался из числа лучших людей.

Царили в Ринее покой и согласие. Мирно и счастливо жили ринейцы, восхваляя мудрость своих правителей и милость своих богов.

И вдруг, точно треснуло небо, обрушились на Ринею неисчислимые бедствия. Откуда-то начали появляться люди, называющие себя либерами (от древнего слова «либа», означающего свободу), которые провозглашали, что мир изменился, что нельзя жить по старым законам, уже не соответствующим современности, и что нужна новая жизнь, совершенно иная, чем прежде. Немного было либеров, но звонки были их голоса и неутомимы были они в своих проповедях. Началась всеобщая смута в умах. Многие ринейцы, очарованные красивыми лозунгами, тоже возжаждали чего-то иного. Правда, что такое новая жизнь, не мог объяснить никто: одни хотели одного, другие – другого, третьи – третьего, а четвертые – вообще такого, что уже не вмещалось в сознании человека. Появились даже безумцы, утверждавшие вообще неслыханное: что мужчины могут – в плотском отношении – жить с мужчинами, а женщины – с женщинами, и это не противоречит природе вещей. Причем каждый был абсолютно уверен, что он один знает, какой должна быть новая жизнь, а всякого несогласного объявлял тупым ничтожеством и врагом.

Заразились либерским безумием и населявшие Ринею народы. Оказалось вдруг, что ринейцы уже не одна семья, живущая по законам любви, взаимности и родства, но каждый народ считает себя особенным, избранным и несправедливо ущемленным другими. Высказывались претензии, сыпались оскорбительные обвинения, начались конфликты и открытые

столкновения на границах «исконных земель», кое-куда пришлось даже вводить войска, чтобы избежать кровопролития.

К сожалению, тогдашний правитель Ринеи был уже стар и слаб, таким же дряхлым и немощным было его окружение, он уже не способен был на энергичные действия, но вместе с тем медлил и со своим уходом, не назначал преемника, опасаясь – и не без оснований, – что перемена власти еще больше усилит смуту. Ситуация тем временем ухудшалась, страна из великой державы, из града, сияющего на холме, превращалась в рыхлый конгломерат автономий, требующих себе все больше и больше прав.

Ринея находилась на грани распада, и соседи, давно зарявшиеся на природные богатства ее, завидующие ее величию, уже стали потихоньку концентрировать войска в приграничных районах, рассчитывая в случае краха урвать себе жирный кусок.

В этот момент появились маглары.

Позже возникла легенда, что это вообще были не люди, а сгущения всепроникающего эфира, связующего компьютеры и айфоны, природа которого была до сих пор неясна, сгущения, выразившие желания миллионов и потому воплотившиеся в людей. Само слово это в переводе с магического языка древних означало «спасители», а в качестве особого Знака, выделяющего их среди других, маглары надевали кожаные ошейники, показывая тем самым, что не для себя они живут, но – исключительно для страны. И так сильна была вера их, настолько они проникались ей, что ошейники эти срастались с телом, образуя вокруг горла кожистое кольцо. Непокосимы были маглары в своем призвании и несокрушимы в своей правоте. Шаг за шагом, упорно продвигались они к намеченной цели. И однажды утром пробудившиеся ринеяне узнали, что старый правитель сегодня ночью добровольно ушел в монастырь, а новым правителем, по совету достойных, назначен Великий Маглор. И, прикинув к телеприемникам, услышали и узрели они, как Великий Маглор, клянясь скипетром, взывая к Вечному Небу, обещает, что теперь воцарятся в стране Закон и Порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.